

Щербакова Т. А., Воропаева А. В.

**ТРАГЕДИЯ И СЛАВА РУССКОЙ АРМИИ.
КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ
В ФОНДЕ ДВГНБ**

Часть I

Дальневосточной государственной научной библиотеке (до 1995 г. Хабаровская краевая универсальная научная библиотека) в декабре 2004 г. исполняется 110 лет. Библиотека за эти годы собрала богатейший фонд изданий, который сделал бы честь любому книжному собранию. Но поистине уникальной является коллекция изданий о Дальнем Востоке. Все события, проходившие на окраине России или повлиявшие на ее развитие, представлены книгами, периодическими изданиями, рукописными и другими материалами. Не является исключением и Русско-японская война 1904–1905 гг., 100 лет которой исполняется в 2004 г.

Историография этого события, оказавшего значительное влияние на судьбу России и дальнейшее развитие Дальнего Востока, достаточно велика. Только библиографический указатель 1939 г. включает 1218 публикаций [1]. Работы советских историков по этому вопросу, написанные в 1940-е гг., достаточно традиционны. Сегодня, в связи с новыми процессами в исторической науке, необходим несколько иной взгляд на различные аспекты этой войны, ставшей первым крупным международным конфликтом на Дальнем Востоке в XX столетии.

Не могут обойтись без материалов о Русско-японской войне историки, занимающиеся проблемами российско-японских отношений, так как источником конфликта России и Японии во многом стали условия Портсмутского договора (1905 г.). Некоторые исследователи, в том числе и зарубежные, считают, что Русско-японская война знаменовала собой начало процесса колониального сопротивления, завершившегося полвека спустя [2]. Это была первая межцивилизационная война. Поражение «белых» в глазах неевропейских народов понизило их престиж и радикально перекроило настроения на востоке, так считает американский историк Ричард Пайпс [3]. Эту же мысль высказал А. Н. Куропаткин в письмах к А. Ф. Редигеру [4]. Процесс гуманизации истории позволяет с новых позиций взглянуть и на роль государственных деятелей и видных военачальников в этой войне, несколько иначе, чем это было принято в официальной историографии, оценить их вклад в исход этого исторического события.

Сформировать новое отношение к событиям и последствиям этой войны помогут исследователю официальные описания, отчеты, воспо-

минания участников, изданные в первое десятилетие после ее окончания. Многие издания того времени носят не просто описательный характер, но проникнуты озабоченностью потрясением государственных устоев Российской империи, критической оценкой закулисной истории этой столь бесславной для русских и трагичной войны «с ее высочайше одобренными рыцарями наживы, всеми этими Безобразовыми и Алексеевыми» по отношению к которым выражение «разбойничья шайка» не было риторикой» [4].

Живейший интерес общества к событиям Русско-японской войны выразился в волне публикаций в периодических изданиях того времени и огромном количестве изданий официального и мемуарного характера. Даже революционные события 1905 г., вызванные военной неудачей России, не смогли заглушить этот поток и остановить критическое осмысление войны. Подтвердить подобный вывод можно на примере коллекции книг о Русско-японской войне, хранящейся в ДВГНБ (из 250 изданий более 200 появилось до 1917 г.).

Война не только пробудила революционные настроения в обществе, на чем постоянно акцентировалось внимание в советской историографии, но и выявила серьезные недостатки в военной системе самодержавия, внесла много нового в военное искусство. В правящих кругах России хорошо понимали, что из этой войны необходимо извлечь уроки. Поэтому еще до окончания военных действий Генеральный штаб поднял вопрос о необходимости организовать сохранность архивов воинских частей, дневниковых записей и прочих документов. В сентябре 1906 г. была создана военно-историческая комиссия для описания Русско-японской войны. В ее состав вошли 12 офицеров, один военный топограф и 2 нижних чина. Почти все члены комиссии окончили Николаевскую академию генштаба, все они (за исключением П. Н. Симанского) были участниками войны, некоторые (С. П. Илинский, Н. Н. Сиверс) имели опыт практической военно-исторической работы. Были четко определены задачи: составить полное, но не слишком многотомное описание кампании и установить строго срок выполнения работы. С самого начала комиссии было указано на «недопустимость критики» и необходимость при разработке труда группировать факты и материалы таким образом, чтобы «читатель сам мог вывести известное заключение» [5, с. 86].

Каждому члену-составителю поручалось разработывать конкретный период: П. Н. Симанский должен был освещать военно-историческую подготовку к войне России и Японии, начальный период войны разработывал С. П. Илинский, Ляоянскую операцию — Ф. П. Рерберг, сражение при Шахэ и Сандепу — М. В. Грулев, Мукденское сражение — К. М. Адарида, Сыпингайский период — Н. Н. Сиверс. Только раздел об обороне Порт-Артура было поручено составить двум авторам: А. М. Хвостову и А. В. Шварцу.

Вся работа проходила под строгим контролем Генштаба. Самое пристальное внимание военно-исторической комиссии уделялось всеобъемлющему сбору документов и материалов. Больше года велась подготовительная работа: подбор документов, снятие копий и т. п. Через газету «Русский инвалид» комиссия обратилась ко всем участникам войны с просьбой предоставить в ее пользование сохранившиеся у них дневники, воспоминания, письма, так как какая-то часть событий не получила должного освещения в официальных документах, а некоторые документальные источники были утеряны. Комиссия собрала архив, насчитывавший свыше 40 тысяч дел. В нем были сосредоточены важнейшие материалы оперативного характера, дела штабов, Порт-Артурского гарнизона. Кроме того, членам комиссии были доступны архивы военного министерства, министерства иностранных дел и министерства финансов, в том числе и секретные материалы. В распоряжении исследователей оказались ценные документы из собственной канцелярии Николая II по Дальнему Востоку. Материалы были очень объемны, и поэтому пришлось отказаться от первоначальных планов. Начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын подчеркивал, что «официальное историческое описание Русско-японской войны, заканчиваемое в определенный, срок, не может быть последним словом об этой войне». Будущий труд рассматривался как «толчок дальнейшим исследованиям по Русско-японской войне, как их основание» [6].

К началу 1910 г. работа военно-исторической комиссии была завершена. Итогом ее стал труд «Русско-японская война 1904—1905 гг.» в 9 томах, который хранится в фонде ДВГНБ. Общий объем издания составил 600 печатных листов. Отдельно в девяти альбомах был выпущен атлас, состоявший из 525 карт и планов. Тираж издания был 4050 экземпляров, часть его бесплатно рассылалась в войска.

Созданный русскими офицерами труд не имел аналогов в мировой военной историографии того времени. За четыре года небольшая группа людей изучила 12 тысяч документов, обобщила огромную массу материалов. В результате удалось создать описание войны по своей длительности, числу вовлеченных в нее сил и размаху превосходившей все войны предыдущего столетия. Появление официального описания Русско-японской войны, особенно в столь короткий после ее окончания срок, было большим событием в научной и общественной жизни России. Так, газета «Биржевые ведомости» писала: «...Нельзя не порадоваться быстроте работы комиссии... Успех огромный, особенно если вспомнить о другой комиссии по описанию русско-турецкой кампании — даже к 30-летию юбилею войны не удосужившейся закончить ее историю» [5, с. 88].

Вскоре описание Русско-японской войны было переведено на французский, немецкий, итальянский, а затем и японский языки.

Впоследствии русский опыт был использован немецкими, французскими, австрийскими военными историками при разработке истории Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Труд отличается богатством фактического материала, снабжен подробными примечаниями, каждый его том имеет обширные приложения, представляющие собой подборку документов. Появление в открытой печати основных документов, раскрывающих ход войны, показывающих механизм выработки тех или иных решений русского командования, было, несомненно, положительным явлением.

Многие исследователи более позднего времени упрекали создателей этого труда в том, что нет глубокого анализа неудач русских войск, оценки действий русского командования, причин неподготовленности России к войне. Но, во-первых, авторы считали, что время критики еще не пришло, во-вторых, это не являлось целью данного издания, и, в-третьих, если бы и были сделаны какие-то выводы, то нет уверенности, что их позволили бы донести до читателя.

Несколько иной характер имеют 6 томов «Полной иллюстрированной истории Русско-японской войны», изданной в 1907 г. М. В. Бархатовым и М. В. Функе. В красном коленкоровом переплете с золотым, тиснением, богато иллюстрированные фотографиями, рисунками, картами и планами основных сражений эти книги стали украшением библиотечных коллекций того времени, а в настоящее время являются раритетом. И хотя издание, по выражению редакторов-составителей, «не претендует на научно-историческое исследование войны», все-таки свою основную задачу оно выполнило: «Предотвратить забвение тяжелого, но, тем не менее дорогого нам прошлого и сделать попытку дать скорее русскому обществу возможно полное описание войны и напомнить о наших слабостях и промахах, приведших к поражению» [7].

Особую ценность для исследователя представляет шестой том этого издания «Участники Русско-японской войны», в котором публикуется более тысячи фотографий высшего и среднего командного состава, нижних чинов, священников, сестер милосердия, частных лиц, с краткими биографическими сведениями.

Русско-японская война показала не только отсталость нашей армии, несостоятельность многих политических решений, но и раскрыла способности, характер многих военачальников, дала примеры истинного героизма рядовых участников этой войны. Одной из таких личностей, уже в то время вызывавшей разноречивые оценки, был Алексей Николаевич Куропаткин (1843–1925). При упоминании этого имени у многих перед глазами возникает образ неудачливого полководца, слабого организатора, которого обвиняют в поражении России в Русско-японской войне. Но это явно односторонний взгляд на его личность. Да, Куропаткин не обладал целым рядом качеств, необходи-

мых истинному полководцу, но в то же время он это осознал. На назначение его командующим Маньчжурской армией он телеграфировал Николаю: «Только бедность в людях заставила Ваше Величество оставить свой выбор на мне».

И после поражения в войне Куропаткин имел благородство сознаться в своих ошибках. Покидая Маньчжурию в феврале 1906 г., он отдал правдивый и честный приказ, в котором причины неудач русской армии суммировал следующими, делающими ему честь словами: «Прежде всего, виноват в этом я — ваш старший начальник» [8]. Человек эмоциональный, глубоко переживавший военное поражение России, с аналитическим складом ума, хороший администратор, но, к сожалению, лишенный дара полководца, по окончании войны он издал «Отчет генерал-адъютанта Куропаткина» в четырех томах. Объем документа составляет свыше 125 печатных листов (2000 страниц) с несколькими атласами. Первые три тома включают в себя описание трех главных сражений войны: Ляояна, Шахэ и Мукдена. Том четвертый озаглавлен «Итоги войны». Лично Куропаткиным написаны только два последних тома. Причиной появления отчета было стремление автора облегчить скорейшее использование опыта войны и отчасти желание оправдаться от обвинений, предъявляемых ему как военному министру и полководцу.

Современники отмечали, что, несмотря на недостаточную полноту (объясняемую спешностью издания) и некоторую односторонность, «труд представляет большой интерес по обширности материала и высокой авторитетности автора. В последнем томе были изложены весьма ценные выводы из войны, дающие готовый план переустройства армии» [9]. Но не все отнеслись к труду Куропаткина подобным образом. В коллекции книг о Русско-японской войне ДВГНБ хранится небольшая брошюра, написанная графом Сергеем Юльевичем Витте, сыгравшим не последнюю роль в истории России этого периода и представлявшим ее интересы при подписании Портсмутского договора. Она так и называется «Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией». Анализируя четвертый том труда Куропаткина, Витте отмечает, что в книге, особенно в некоторых главах, «почти на всяком шагу встречаемся с неточностями, а равно умолчаниями... Отчет носит на себе следы крайне спешного выполнения... Автор не соблюдает хронологической последовательности» [10]. И далее по отдельным вопросам, с цифрами и цитатами из документов Витте доказывает свои выводы о труде Куропаткина.

Возможно, это следствие того взаимного неприятия, которое испытывали эти два человека друг к другу. Доказательством сложности их взаимоотношений может служить не только брошюра, написанная С. Ю. Витте, но и письмо А. Н. Куропаткина к Александру Федоровичу

чу Редигеру, сменившему Куропаткина на посту военного министра. Куропаткин называет Витте среди виновников войны с Россией: «На Дальнем Востоке он не знал границ своим опасным затеям, не знал грани в расходовании кровных русских денег. Эти предприятия и привели Россию к войне... Но история в несравненно большую вину ему поставит заключение позорного мира в Портсмуте... Меня будет судить история, а не современники, сидевшие во время наших боев по ресторанам, театрам, не пожелавшие не только помочь нам, но даже выразить скорбь, сочувствие, когда мы дрались до изнеможения» [11].

Конечно, мнения генералов, министров — далеко не истина в последней инстанции. Но надо знать и их. История эпохи от этого становится только живее, красочнее и, может быть, достовернее.

Другим прекрасным источником сведений по истории Русско-японской войны является мемуарная литература. И хотя описание исторических событий дается через восприятие отдельного человека, письма, дневники, воспоминания участников и очевидцев — это неиссякаемый родник своеобразной, то строго документальной и лаконичной, то лирико-поэтической, то остросюжетной и драматичной или даже трагичной, то саркастически-непримиримой (порой наиболее достоверной и исчерпывающей) информации о войне. В ней заложены сведения, которые представляют ценность и интерес не только для ученого и писателя, но и для любого, кого влечет к себе, кому дорога история страны. Эти материалы дают возможность изучать и осмысливать Русско-японскую войну не только в глобальном масштабе, с ориентацией на «отшлифованные» точки зрения, директивные указания, но и через близкое знакомство с мелкими незначительными частностями.

К числу таких изданий можно отнести воспоминания командира пехотного (Зарайского) полка В. И. Мартынова о японской войне. Выражая настроения широких кругов офицерства, Мартынов довольно резко выступил против виновников поражения русской армии в войне 1904–1905 гг. Характеризуя отношение масс к войне, Мартынов писал: «Народные массы остались совершенно безучастными... В широких кругах русского образованного общества царило полное равнодушие к войне» [12]. Подробно описана деятельность полка. Его же перу принадлежит сборник статей, в разное время публиковавшихся в периодической печати под заглавием «Из печального опыта Русско-японской войны». Сам автор в предисловии пишет: «Задача военного писателя в настоящее время заключается в том, чтобы облегчить будущую работу Думы, раскрывая с полной откровенностью все язвы, разъедающие наш военный организм. В переживаемый Россией критический момент корпоративная шепетильность и интересы личной карьеры должны отойти на второй план перед пользой государства» [13]. Критические замечания, высказанные В. И. Мартыновым, касались не только дей-

ствующей армий, но и системы военного образования, резкой критике подверглась Академия Генштаба, система наград, тыловое обеспечение, интендантская служба и многие другие вопросы.

Но типичным образцом обличительной литературы являются мемуары М. В. Грулева, члена военно-исторической комиссии. Он видел, что причины поражения России не случайны: «Ложное течение нашей общественной мысли, затуманенной убаюкиваниями славянофилов и обманчивым миражом внешнего и внутреннего благополучия, под давлением мертвящих тисков всемогущей власти привело нас к уродливому мировоззрению — «шапками закидаем», которое оказалось для нас пагубным и в военном и политическом отношении» [14]. Грулев не мог вскрыть истинных причин провала Русско-японской войны, но он понимал, что в стране не все благополучно. Он пытался объяснить военный крах России безграмотностью солдат — причина, которую заведомо игнорировали многие историки и военачальники. Но главное — это отсутствие воодушевления как среди нижних чинов, так и среди офицеров. Эфемерность причин и поводов, вызвавших эту войну, делали ее крайне непопулярной — это основной вывод М. В. Грулева.

Еще более интересны воспоминания корпусного контролера С. Я. Гусева. Он написал свои заметки на основании личных наблюдений и ряда официальных документов. Его задачей было рассказать истинную правду, «ибо самая горькая правда лучше самой красивой лжи» [15]. «Останавливаюсь, — говорит Гусев, — главным образом, на том, что имеет общественный интерес, так как я имел в виду указать на такие отрицательные стороны последней войны, к устранению которых в будущем должны быть приняты надлежащие меры» [15]. Гусев рассказал, как «патриоты кармана» в Петропавловске хотели им всучить гнилое сено и тухлое мясо, как на станциях не было даже воды для солдатских эшелонов, как бездушно относились к солдатам начальство на фронте, какие злоупотребления имели место в тылу, где «некоторые бессовестные заготовители дошли до того, что, покупая в Монголии скот, платили вместо денег этикетками с винных бутылок». Гусев приходит к выводу, что «вообще, существующая у нас в армии система довольствия — развратная система, которая должна быть изменена». Он живо и красочно описал ход боевых действий и беспорядки в тылу и указал, что в армии широко распространилось революционное движение.

Пожалуй, одной из самых героических и трагических страниц Русско-японской войны, отраженной не только в мемуарах, стала оборона Порт-Артура. Блокада Порт-Артура длилась 259 дней, осада в прямом смысле этого понятия — 159. Крепость 9 месяцев (до февраля) задерживала 111-ю японскую армию и отвлекла на себя в общей сложности 170 тысяч неприятелей — около одной трети всех сухопутных сил Япо-

нии. Урон японским войскам за всю осаду составил 110 тысяч человек, 85 тысяч погибли в боях и на штурмах. Таким образом, гарнизон отвлек на себя силы в четыре раза большие и причинил им кровавые потери, вдвое превышавшие его численность. Иными словами, каждый портартурец сразился с четырьмя японцами и двух из них убил. В военной истории подобных precedентов ранее не было [16]. Естественно, что появилось очень много изданий об этой трагедии. Большинство из них имеется в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки. В Военно-исторической комиссии вопросом Порт-Артура занимался А. В. Шварц, генерал-лейтенант, начальник Военно-инженерной академии, участник обороны Порт-Артура. Совместно с Ю. Романовским им был составлен двухтомный труд об этом столь важном сражении Русско-японской войны.

Книга в целом представляет летопись обороны Порт-Артура. Особую ценность имеют приложения: документы, карты, отчеты [17].

Опыт обороны крепости не мог пройти бесследно для военной науки. И Алексей Владимирович Шварц в 1907 г. издал труд «Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей». Книга была переведена во Франции и в Америке, в специальных журналах почти всех государств были помещены подробные разборы. В России серьезного обсуждения труда А. В. Шварца не появилось.

Большую ценность представляет собой дневник полковника Сергея Александровича Рашевского, написанный в Порт-Артуре в 1904 г. После гибели Рашевского этот документ был приобретен за 15 тысяч рублей у вдовы покойного и хранился в архиве главного инженерного управления. Факт приобретения дневника и его содержание были окружены тайной. Впервые он был издан в 1954 г. в серии «Исторический архив» Институтом истории Академии наук СССР. Но, несмотря на это, ссылки на этот исторический документ встречались в работе Военно-исторической комиссии, занимавшейся описанием войны. С дневником были знакомы и использовали его Ю. Романовский и А. В. Шварц. Некоторые записи С. А. Рашевского были приведены корреспондентом газеты «Новый край» Е. К. Ножиным в книге «Правда о Порт-Артуре». Полностью дневник не публиковался до 1954 г. Более того, он не фигурировал в числе материалов и документов на процессе против виновников сдачи крепости — А. М. Стесселя и А. В. Фока.

Военный инженер С. А. Рашевский во время осады Порт-Артура возглавлял ряд ответственных участков обороны крепости. Дневник ценен тем, что он фиксирует боевую жизнь, настроения офицеров, наблюдения над противником, городскую жизнь. Но кроме наблюдений в книге отражен острый критический взгляд честного русского офицера на ход войны в целом и оборону Порт-Артура. Вот как оценивалась стратегия Куропаткина: «Как чувствуется в эту войну недостаток

талантливых военачальников. Тот же жадный и хваленый Куропаткин, что он сделал в течение почти пяти месяцев — ровно ничего. Неужели же высшая стратегическая мудрость в том, чтобы сидеть инертно и ждать, пока не будет вдвое сильнее противник, рискуя в это время потерять Артур... Да, тяжела для России эта война, нет у нее верных и способных людей на бранном поле» [18, с. 25].

Дневник рисует тяжелые дни борьбы за крепость. Рашевский отмечает высокое мужество солдат и офицеров, которые стойко отражали все штурмы японцев. Он описывает тяжелое впечатление, которое произвела на гарнизон крепости гибель Макарова: «Тяжелый день — трагедия на море, унесшая в могилу слишком много сынов России, заступников нашего, теперь уже дорогого, уголка русского Дальнего Востока» [18, с. 84].

Последние записи сделаны Рашевским 28 и 29 ноября: «Наступили зимние холода и ветры. На позициях становится все труднее, больше и больше заболеваний. Японцам, вероятно, тоже не легко, пожалуй, еще хуже, чем нам. Они и начинают, по-видимому, торопиться взять Артур» [18, с. 131].

Второго декабря во время доклада генералу Кондратенко Рашевский был убит. В каземат форта попал 11-дюймовый снаряд, от которого погибли все находившиеся в нем. Гибель Кондратенко лишила крепость организатора обороны Порт-Артура. Вскоре Стессель, Фок и другие сдали крепость японцам.

Интерес представляют записки председателя военного суда в Порт-Артуре генерал-майора М. И. Костенко. Он описывает защиту крепости, героизм солдат, показывает ложь и предательство высших чинов. Автор приходит к выводу, что крепость обладала всей необходимым, могла держаться еще более месяца и сдана поспешно, несвоевременно и без достаточных оснований [19]. К таким же выводам приходит и Владимир Александрович Апушкин (полковник, военный писатель), автор книги «Дело о сдаче крепости Порт-Артура японским войскам в 1904 г.».

Издание материалов судебного процесса, как указывал сам автор в предисловии, должно было рассеять много слухов, ходивших в то время в обществе по поводу сдачи Порт-Артура. Кроме подробных свидетельских показаний и документов в книге приведены многочисленные письма участников обороны.

Главный обвиняемый на этом процессе А. М. Стессель, приговоренный к 10-летнему заключению, написал небольшую брошюру «Моим врагам: Отповедь генерала Стесселя». В. П. Руадзе, комментируя горькие строки, написанные опальным генералом, отмечает: «...Генерал Стессель не мог, разумеется, не знать, какую страшную вину берет он на себя, незаконно принимая единоличное решение, а между тем он

это делает. Почему же? Да потому, что для него несравненно тяжелее нравственная ответственность за жизнь тысяч истощенных, больных героев, долженствующих бесмысленно, как на бойне, погибнуть... Ему не нужна картина юридического подлога, купленного ценою солдатских жизней» [20]. В этом же издании напечатан документ известный в историографии под названием «Письмо артурца». Неизвестный автор, участник обороны крепости, не просто оправдывает Стесселя, но и считает его решение о капитуляции единственно верным, дальнейшее сопротивление бессмысленным и только увеличившим число жертв. Генерал показан как жертва интриг высшего офицерства, облитый грязью нечестными журналистами.

Известный военный историк А. А. Керсновский писал о Стесселе: «Общественное мнение и соратники сурово отнеслись к генералу Стесселю... Упреки эти, исходившие от современников, не могут показаться убедительными... Физические и моральные силы защитников крепости достигли в декабре предела, доставленного им природой... Крепости к этому времени не существовало, то, что носило название „3-й оборонительной линии“, не могло продержаться и несколько дней, даже будучи занято свежими войсками. Тот месяц, на который Порт-Артур мог бы задержать армию Ноги, стратегического положения в Маньчжурии не изменил... Генерал Стессель несет большую ответственность, но не за преждевременную сдачу, а за преждевременное отступление в крепостной район. Другим промахом генерала Стесселя было, что он не воспользовался ресурсами Ляодуна и не накопил... продовольственных запасов в крепости». И все-таки А. А. Керсновский считает, что не следовало заключать капитуляции: «„Почетных“ капитуляций никогда не существовало и существовать не может» [21].

О порт-артурской трагедии писали не только военные и высокопоставленные чиновники, но и рядовые участники событий. Например, автором дневников «В осажденном Порт-Артуре» (СПб., 1906) и «Артур пал!» была сестра милосердия русского Красного Креста Ольга фон Баумгартен. Она была включена в отряд, направлявшийся в Порт-Артур на плавучий лазарет «Монголия». До места назначения отряд добирался по Сибирской железной дороге, люди ехали в полном незнании обстановки. А когда прибыли в Харбин, один полковник Генерального штаба предупредил их, что японская армия прекрасно подготовлена к войне и вряд ли они минуют плена. Книга «Артур пал!» была переведена на немецкий язык и выпущена в 1906 г. в Страсбурге [22]. В ней автор описала Порт-Артур после сдачи, места боев, непогребенные тела русских солдат, ужасное положение раненых бойцов, страдания людей, оказавшихся в осажденном городе. В фонде ДВГНБ хранятся книги и на русском, и на немецком языках.

Порт-Артур дал русской армии и флоту выдающихся военачаль-

ников, не говоря о главном герое войны — генерале Кондратенко. Но и для Японии осада Порт-Артура стала тяжелым бременем. Потери японской армии были огромны. Несправедливо было бы не сказать о победителе — генерале Ноги, потерявшем в этой битве обоих своих сыновей и ставшем на родине народным героем, хотя А. С. Селищев, по-видимому, не без оснований, считает его «псевдогероем» [25].

Список литературы

1. Лучинин, В. Русско-японская война 1904–1905 гг. : [библиогр. указ.] / В. Лучинин. — Москва, 1939. — С. 144.
2. Пайпс, Р. Русская революция / Р. Пайпс. — Москва, 1994. — Ч. 1. — С. 22–24; Совастеев, В. В. Демифологизация Русско-японской войны / В. В. Совастеев // Россия и АТР. — 2003. — № 4. — С. 105–107.
3. Пайпс, Р. Указ. соч. — С. 45.
4. Неопубликованный эпистолярый. Эхо Русско-японской войны... : Из переписки А. Н. Куропаткина и А. Ф. Редигера / А. Н. Куропаткин, А. Ф. Редигер // Книга исторических сенсаций : Альманах. — Москва, 1993. — С. 136.
5. Цит. по: Авдеев, В. А. «Секреты» Русско-японской войны : (Организация изучения истории Рус.-яп. войны 1904–1905 гг. Ген. штабом России) / В. А. Авдеев // Воен.-ист. журн. — 1993. — № 9. — С. 86.
6. Русско-японская война 1904–1905 гг. : Работа Воен.-ист. комис. по описанию Рус.-яп. войны : В 9 т. — Санкт-Петербург, 1910. — Т. 1. — С. 750.
7. История Русско-японской войны : В 6 т. — Санкт-Петербург, 1907. — Т. 1. — С. 3.
8. Керсновский, А. А. История русской армии : В 4 т. / А. А. Керсновский. — Москва, 1994. — Т. 3. — С. 101.
9. Военная энциклопедия. — Санкт-Петербург : Т-во И. Д. Сытина, 1914. — Т. 14. — С. 416.
10. Витте, С. Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией / С. Ю. Витте. — Москва, 1911. — С. 5.
11. Неопубликованный эпистолярый. Эхо Русско-японской войны. — С. 138. (Бывший военным министром в течение года В. В. Сахаров не сыграл значительной роли в деле управления армией и в высшем звене военного управления).
12. Мартынов, Е. И. Воспоминания о Русско-японской войне командира пехотного полка / Е. И. Мартынов. — Плоцк, 1910. — С. 2.
13. Его же. Из печального опыта Русско-японской войны / Е. И. Мартынов. — Санкт-Петербург, 1906. — С. 2.
14. Грулев, В. М. В штабах и на полях Дальнего Востока / В. М. Грулев. — Санкт-Петербург, 1908. — С. 425.
15. Гусев, С. Я. Свежие раны / С. Я. Гусев. — Санкт-Петербург, 1911. — С. 4.
16. Керсновский, А. А. Указ. соч. — С. 94.

17. Оборона Порт-Артура : В 2 ч. / Сост. А. Шварц, Ю. Романовский. — Санкт-Петербург, 1908. — Ч. 1. — С. 7.

18. Рашевский, С. А. Дневник полковника С. А. Рашевского (Порт-Артур, 1904) / С. А. Рашевский ; предисл. А. Л. Сидорова ; археогр. введение А. А. Бергман. — Москва ; Ленинград, 1954. — С. 25. — (Исторический архив ; т. 10).

19. Костенко, М. И. Осада и сдача крепости Порт-Артур / М. И. Костенко. — Киев, 1906. — С. 276.

20. Руадзе, В. П. Моим врагам : (Отповедь ген. Стесселя) / В. П. Руадзе. — Санкт-Петербург, 1908. — С. 60.

21. Керсновский, А. А. Указ. соч. — С. 94–95.

22. Baumgarten, O. von. Wie Port-Arthur fiel! : Tagebuch der barmherzigen Schwester des russischen roten Kreuzes / O. von Baumgarten. — Strasburg, 1906. — 262 S.

23. Селищев, А. С. Японская экспансия : Люди и идеи / А. С. Селищев. — Иркутск, 1993. — С. 95–98.